

УДК 398.221 (470.65)

ЭПИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МИФОЛОГИИ ОСЕТИН

Таказов Ф.М.

ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, Владикавказ, e-mail: fedar@mail.ru

В статье рассматриваются эпические сказания с точки зрения отражения в них мифологической системы осетин. Анализу подвергаются сказания, представляющие собой самостоятельные эпические произведения: Нарты, Даредзанта, Царциата. Цель работы: на основе текстов эпических произведений о Нартах, Даредзантах и Царциатах определить их значимость в реконструкции мифологической системы осетин. Во всех трех эпических произведениях широко представлены космогонические, этиологические, эсхатологические и другие мифы. Большинство космогонических мифов повествуют о творении трех миров: верхнего, среднего, нижнего. Многие сюжеты эпических произведений символически воспроизводят творение мира. Проведенное исследование дает возможность выявить семантику различных сюжетов и мотивов для реконструкции архаической структуры трехчастного строения Модели Мира. Результаты исследования могут быть применимы при изучении эпических произведений, религиозно-мифологических воззрений, фольклора и этнографии осетин.

Ключевые слова: фольклор, эпос, эпические произведения, мифология, мифы, Нарты, Даредзанта, Царциата, космогония, этиология, эсхатология

EPIC LEGENDS AS SOURCE OF STUDYING OF MYTHOLOGY OSSETIAN

Takazov F.M.

North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research name V.I. Abaev VSC RAS and the Government of Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, e-mail: fedar@mail.ru

In article epic legends from the point of view of reflection in them mythological system the Ossetian are considered. The legends representing independent epic works are exposed to the analysis: Narta, Daredzanta, Tsartsiatia. Work purpose: on the basis of texts of epic works about Narta, Daredzanta and Tsartsiatia to define their importance in reconstruction of mythological system the Ossetian. In all three epic works cosmogony, etiological, eschatological and other myths are widely submitted. The majority of cosmogonic myths narrate about creation of three worlds: top, average, bottom. Many plots of epic works symbolically reproduce creation of the world. The conducted research gives the chance to reveal semantics of various plots and motives for reconstruction of archaic structure of a three-part structure of Model of the World. Results of research can be applicable when studying epic works, religious and mythological views, folklore and ethnography the Ossetian.

Keywords: folklore, epic, epics, mythology, myths, Narta, Daredzanta, Tsartsiatia, cosmogony, etiology, eschatology

В богатом и разнообразном устном творчестве осетин значительное место занимают эпические сказания, представляющие в гармоническом единстве эпический мир героев. Они бытуют как в поэтической, так и в прозаической форме.

В фольклоре осетин сохранились три эпоса: поэма о Нартах (*Нарты кадджытæ*), сказания о Даредзанте (*Даредзанты таурæгътæ*), легенды о Царциата (*Царциаты таурæгътæ*, *Царциаты диссæгътæ*). Хотя все три поэтических произведения отражают одну мифосистему и в них встречаются одни и те же мифологические образы, относящиеся к так называемым небожителям – *зэдам* и *дуагам*, каждый из них является самостоятельным произведением. Нет в них одинаковых сюжетов, образов.

Наиболее популярным и содержательным эпическим произведением по праву считается поэма о Нартах. В национальных вариациях Нарты бытуют у ряда народов Северного Кавказа. Нартовский

эпос по своей художественной и культурологической значимости приравнивается к таким шедеврам народного творчества, как Илиада, Калевала, Махабхарата, Манас и др.

Корни Нартовского эпоса осетин восходят ко II тысячелетию до н.э., к эпохе единства иранских народов, что находит отражение в нартовско-авестийских параллелях [12, с. 24–125]. Пройдя сложную эволюцию, разрозненные мифы стали формироваться в цельное эпическое произведение в IX–XI вв., во времена становления и расцвета аланского государства. Видимо по этой причине многие исторические события, происшедшие в XIV–XVII вв. в истории осетин, не нашли отражение в эпосе, в то время как отголоски тех событий и персоналий сохранились в исторических преданиях.

Первые сведения о бытовании нартов у народов Северного Кавказа относятся ко второй половине XVIII – началу XIX века. Но эти упоминания связаны, прежде все-

го, с толкованием названия минеральной воды «нарзан». (1776 г. Рейнегс дает слово «нарзан» как черкесское, обозначающее напиток гигантов и святых [11]; 1802 г. Паллас П.С. расшифровывает как «напиток богатырей» [10]; 1809 г. Гюльденштетт называет нарзан напитком великанов и духов [2]). О наличии у осетин нартовского эпоса впервые упоминает выдающийся немецкий востоковед и путешественник, адъютант азиатских языков русской Академии Юлиус Клапрот [6]. Первый небольшой по объему сюжет, зафиксированный им, повествует о взятии крепости Уарп Батразом, сыном Хамица. Но уже со 2-й половины XIX в. начинается активное собиранье текстов нартовских сказаний.

Героический эпос любого народа рассматривается и истолковывается в двух аспектах: в аспекте мифа и в аспекте истории. Нартовский эпос не составляет исключения. В нем отразились и древние мифы, и историческая действительность.

Историчность нартовского эпоса состоит, прежде всего, в том, что в нем отражен определенный социальный уклад. В эпосе живописными красками передаются картины быта и нравов нартовского общества. Осетинские мифы, верования, праздники, ритуалы, похоронные обряды, исторические события, военное искусство, молитвословия и другие традиции получили свое отражение в нартовском эпосе. По этому поводу Ж. Дюмезиль писал, что «нравы нартов соответствуют нравам осетин» [3, с. 11].

В то же время основу эпоса составляют архаичные мифы. В нем отражены космогонические мифы о сотворении мира, о появлении первых нартов. В Нартах описывается первоначальное состояние вселенной: мир был спящим, беззвучным и темным. Позже на небе появилось колесо солнца, пламя луны, мерцание звезд, заря, и от горизонта к горизонту протянулся Млечный путь. Затем от их света зажглось синее пламя, и с неба упала искра огня и превратилась она в черную золу. Затем из этого пепла небесного огня Бог сотворил Нартов. Из небесных слез на земле появилось все вокруг: горы и реки (вода), сады и деревья, трава и злаки. Появились звери. От солнечного тепла вздохнули широкие реки и появились тучи. Дыхание воздуха породило ветры [13, с. 16].

Но прежде Нартов Бог сотворил *уадмеров*. Они были огромные и сильные, не помещались в ущельях, и земле трудно было их выдержать. Прошло триста лет, и сотворил вслед за *уадмерами камбадата* – умом и силой похожих на *уадмеров*, а ростом не-

высоких. Слишком маленькие оказались для жизни на земле и Бог их уничтожил. Через триста лет, вслед за *камбадата*, Бог сотворил *гамеров*, но и они оказались слишком велики и ростом и силой. Еще триста лет прошло, и Бог сотворил *гумиров*. Но и они не удались. Прошло триста лет, и Бог вслед за *гумирами* сотворил Нартов, и удались они ему: ростом и силой были под стать земле [8, с. 13].

Основой мифосистемы эпических сказаний о Нартах выступает трехуровневая модель мира, просматриваемая во многих сюжетах. Распространенный мотив проникновения Уастырджи в склеп Дзерассы является одним из таких архетипов модели мира [14, с. 1522].

После смерти Дзерассу похоронили в склепе. Его по очереди должны были трое суток охранять ее сыновья Урузмаг и Хамиц, но на третий день, заслышав звуки музыки со свадьбы, отлучились, оставив без охраны могилу матери. В этот момент с неба спустился Уастырджи, проник в склеп, оживил Дзерассу и пробыл с ней некоторое время, затем пустил к ней своего коня, после – свою охотничью собаку. Таким образом, мертвая Дзерасса родила девочку, названную впоследствии Шатаной, коня и собаку Силам. Таким образом, данный сюжет повествует в символической форме сотворение духом (Уастырджи) трех миров: верхнего (конь), среднего (Шатана) и нижнего (собака) [8, с. 111-112].

Маркером трехуровневой модели мира выступает в нартовском эпосе и деление общества Нартов на три рода: Ахсартагката, Алагата (Ацата) и Бората.

Воплощением универсальной концепции трехуровневой модели мира в эпосе является «Мировое дерево» [16, с. 534]. Хотя во всех вариантах Нартовское дерево несет различную функциональную нагрузку, в то же время оно маркирует архетип Мирового древа. Сюжет о нартовской яблоне воспроизводит модель вторжения хаоса и борьбу человека за ее сохранение. Фактически функциональная направленность нартовской яблони в целом выражает конечную цель творения модели. Поэтому важно не то, какие потребности человека обеспечивает яблоня, а то, что человек делает для ее сохранения.

Вся символика, окружающая нартовскую яблоню, характеризует ее как Древо мира: птицы, прилетающие за плодами, – верхний мир; Ахсар и Ахсартаг, охраняющие дерево, – средний мир; водная стихия, через связь птиц с Донбеттыром, повелителем вод, – с нижним миром. Само дерево выступает как ось, соединяющая все

три мира. Плоды дерева, которые воруют птицы, – маркер умирающей и воскресающей природы.

Ахсар и Ахсартаг, защитившие Древо, подстрелили птиц, воровавших плоды нартовской яблони. Преследуя раненую птицу, они проделывают путь и в верхний и в нижний мир [8, с. 14–97].

Брак Ахсартага и Дзерассы/Ацира повторяет творение мира, в результате чего появляются три нартовских рода.

Яркое отражение в нартовском эпосе получили астральные мифы. Согласно эпическим сказаниям Млечный путь (*Ерфаены фæд*) – это след легендарного коня Урузмага, называемого Арфан (*Ерфаен*). Радуга называется «Лук Сослана» (*Сослани андурæ*). Молния – блеск меча Нарта Батраза. Луна же, по одной из версий, является осколком лезвия чудесного меча Сайнаг-алдара, убитого Батразом.

Центральное место в эпосе занимают солярные мифы. Архетип Солнца представлен в антропоморфических или зооморфических образах: Уастырджи, Сослан, Батраз, Сайнаг-алдар, Колесо Балсага, конь, олень, орел, ласточка. Символами Солнца выступают: камень, колесо, чаша, яйцо.

В одних сюжетах мифы выступают как остаток культа Солнца, в других – как олицетворение, художественный образ, без религиозно-мифической подкладки. Но в обоих случаях они отражают архетип солярных мифов.

Солнце в эпосе имеет семью: жену, детей, сестру, племянниц, племянника. Именитые нарты часто сватаются к дочери Солнца, устраивают хороводные танцы солярного характера [15, с. 25–49].

Именитые Нарты устроили на вершине горы Бештау хороводный танец симд в надежде увидеть красавицу Акула, которая ежедневно проделывает три круга по горизонту неба. Урузмаг обещает показать им красавицу Акула за вознаграждение. Акула жила в медной башне, зависшей между небом и землей. Урузмаг начинает истязать своего коня, и таким образом заставил обратить на себя внимание Акула. Вместе с Урузмагом она прибывает к тому месту, где Нарты устроили танец симд. Герои по очереди просят ее станцевать с ними, но у каждого она находит какой-то изъян. Только с Батразом, у которого она не нашла никакого изъяна, соглашается станцевать [9, с. 143–149].

В данном сюжете выделяются несколько архетипов:

1. Танец на вершине горы – ритуальный солярный танец. Танец устраивается ради Акула – дочери Солнца. Солярный

танец имеет очистительное значение. На очистительное значение танца указывает и тот факт, с каким пристрастием Акула оценивает изъяны героев.

2. Акула живет в небесной медной башне. Сама башня – символ Мировой горы/Мирового дерева. То, что башня зависает над землей, указывает на божественное происхождение ее обитателя.

3. Акула в день делает три круга по горизонту неба – символическое обозначение движения Солнца: восход, зенит, закат.

4. Урузмаг смог обратить на себя внимание Акула с помощью коня – символа Солнца, верхнего мира.

Эпопея нартов заканчивается эсхатологическими мифами, представленными сюжетами о гибели нартов, о битве Сослана и Тотраза перед концом мира.

Подобно Нартовскому эпосу во всей Осетии были распространены эпические сказания о Даредзанах (*Даредзанты таурагътæ*).

Сказания о Даредзанах бытуют во многих вариантах. Эпос о Даредзанах многогеройный, образует несколько циклов, в зависимости от группировки сказаний вокруг отдельных героев: цикл «Ростом», цикл «Амран», цикл «Караман», цикл «Безан» и др. Эпос повествует не только о могучем Амране и его братьях, но и в целом о роде Даредзановых.

Даредзаны борются как с земными врагами, так и с подземными далимонами (бесами) и небожителями. В эпосе действующими персонажами являются также животные – птицы, олени, кони.

На Даредзановские сказания, несомненно, огромное влияние оказал нартовский эпос. Даредзанта, как и Нарта, в основном свою жизнь проводят в походах и на охоте. Отдельные герои даредзановских сказаний проходят ту же заалку, что и герои-нарты. При решении вопросов войны, мира, суда или других общественных дел, и Нарта и Даредзанта собираются на нихасе. Но, к примеру, Нарты иногда пользуются в борьбе с врагами обманом и коварством, а Даредзанта – только силой, мужеством и отвагой [4, с. 4].

Сказания о Даредзанте «не историческая хроника, в их художественных образах и картинах отражается историческое прошлое. В каждую новую эпоху эпос вбирал в себя новое содержание из окружающей действительности и постоянно обогащался новым содержанием. Поэтому в нем отразились различные общественные и художественные уклады, начиная от эпохи материнской родовой организации, до патриархата, а также кончая феодализмом» [5, с. 4].

Осетинские сказания о Даредзанте во многом сходны с древнегрузинским рыцарско-героическим эпическим произведением XII века «Амиран-Дареджаниани», восходящие к иранским сказаниям о Рустеме, Зорабе и Бижене, вероятно, через произведение Фирдоуси «Шах-Наме». «Много личных имен осетинского цикла принадлежит перу Фирдоуси. Именам осетинских героев – Ростом, Бежан, Зурапп-хан, Гурген, Пиран – соответствуют персидские Рустем, Бижен, Зораб, Гурген, Пильсон и др. Имя осетинской героини Манидзы напоминает имя дочери царя Афрасиаба – Маниже из Шах-Наме» [5, с. 31].

Несмотря на соответствия с грузинскими сказаниями и произведением Фирдоуси «Шах-Наме», Даредзановский эпос осетин имеет свои особенности. «Цари, халифы и принцы, которыми кишит роман «Амиран-Дареджаниани», изгнаны из осетинских сказаний. Что касается формы, то здесь родовой строй дает о себе знать суровой сжатостью и лаконизмом выражения, резко расходящимися с пышной цветастостью и многословием персидско-грузинских литературных оригиналов, продуктов высокого развития феодализма» [1, с. 15].

Сюжет рождения Амрана маркирует архетип творения мира и символизирует Мировое древо.

В отличие от Нартовского эпоса, в сказаниях о Даредзанте мифологическое начало менее проявлено, на первый же план выступает героическое.

Следующим, третьим эпосом, более архаичным, но менее популярным, чем Нарты, являются сказания о Царциата (*Царциатæ/Царцатæ*). Если сказания о Нартах и Даредзантах хорошо знакомы как исследователям, так и широкому кругу читателей, то мифы про Царциата до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. Помимо осетин Нарты бытуют у многих народов Кавказа, а Даредзаны – у грузин. В отличие от них мифы о Царциата известны только осетинам. Царциата как предшественники осетин в горной части Северной и Южной Осетии были известным ученым еще в конце XIX столетия. Но интерес к ним ограничивался только этим упоминанием и рассказами о богатых захоронениях (могильниках) Царциат. «Они погибли каким-то необыкновенным и ужасным образом, поэтому, – писал Чурсин в 20-х гг. XX в., – обо всем необычном, вызывающем удивление, осетины говорят: «чудо царциатское». В селах Эдис и Хев до сих пор показывают захоронения – «царциатские холмы». После их гибели страна опустела, и все кругом заросло лесом.

Тогда-то с севера на юг, вследствие малоземелья, переселились осетины. Осетинские предания ничего не говорят о грузинском населении и помнят только о царциатах» [17, с. 136].

Царциата повествуют о возникновении Вселенной, об образовании Солнечной системы, о появлении человека и его борьбе за выживание [7].

Если в Нартах на первом плане – героико-мифологическое, то в Царциатах героическое присутствует как отражение определенной мифологемы.

Безусловно, эпические сказания о Нартах, Даредзантах и Царциатах не являются равноценными, но являются неиссякаемым источником изучения мифологии осетин.

Список литературы

1. Абаев В.И. Даредзановские сказания у осетин. Амран. Осетинский эпос. – М.-Л., 1932.
2. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. – СПб., 1809.
3. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1976.
4. Казбеков К. Предисловие к книге «Осетинское народное творчество» («Ирон адамон сфалдыстад»). – Орджоникидзе, 1941. (на осет. яз.).
5. Калоева Д.А. Даредзановские сказания у осетин. – Цхинвали, 1975.
6. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. / ОРФ СОИГСИ, ф. 4, оп. 1, д. 6.
7. Легенды о Царциата: эпос осетинского народа. (Царциаты таурагътæ: ирон адамы эпос) / составит. Ф.М. Таказов. – Владикавказ, 2007.
8. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн. 1 (Нарты кадджытæ. Ирон адамы эпос) / состав. Т.А. Хамицаева. – Владикавказ, 2002.
9. Нарты. Мифология и эпос на дигорском языке (Нартæ. Мифологи æма эпос дигорон æвзагбæл) / состав.: А.Я. Кибиров и Э.Б. Скотдаев. – Владикавказ, 2005.
10. Паллас П.М. Заметки о путешествии в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе, 1967.
11. Рейнеггс Я. Общее историко-топографическое описание Кавказа // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе, 1967.
12. Сатцаев Э.Б. Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы). – Владикавказ, 2008.
13. Сказания о нартах. Осетинский народный эпос. – М., 1949.
14. Таказов Ф.М. Архетипы модели мира в мифологии осетин // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 11–6. – С. 1521–1525.
15. Таказов Ф.М. Архетипы Солнца в осетинской мифологии // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10–11. – С. 2548–2551.
16. Таказов Ф.М. Мировое дерево в осетинской мифологии // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 533.
17. Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк // ТЗН, серия I, вып. 1. – Тифлис, 1925. – С. 136–169.

References

1. Abayev V.I. Daredzantians of the legend at the Ossetian. Amran. Ossetian epos. M.-L. 1932.
2. Гюльденштедт I. A. geographical and statistical description of Georgia and Caucasus. SPb., 1809.
3. Dyumezil Zh. Osetians epos and mythology. M. 1976.
4. Kazbekov K. Forward The Ossetian national creativity (Iron adæmon sfældystad). Ordzhonikidze, 1941.
5. Kaloyeva of D. A. Daredzanovskiye of the legend at the Ossetian. Tskhinvali, 1975.
6. Клапрот G-Yu. Travel across the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807–1808 / ORF SOIGSI, t. 4, оп. 1, 6.
7. Legends about Tsartsiat: epos of the Ossetian people. (Tsartsiaty tawræhtæ: Iron adæmy epos). Originator F.M. Takazov Vladikavkaz, 2007.
8. Nartovsky legends. Epos of the Ossetian people. Book 1 (Sledge кадджытæ. Iron адæмы epos) / Originator T.A. Hamitsayeva Vladikavkaz, 2002.
9. Sledge. Mythology and the epos in the Digor language (Nartæ. Mythologi æma epos digoron ævzagbæl) / Originators: Kibirov A.Ya. and Skodtayev E.B. Vladikavkaz, 2005.
10. Pallas P.M. Notes about travel to the Southern namestnichestvo of the Russian state in 1793 and 1794 // Ossetians eyes of Russians and foreign travelers. Ordzhonikidze, 1967.
11. Рейнеггс I. General historical and topographical description of the Caucasus // Ossetians eyes of Russians and foreign travelers. Ordzhonikidze, 1967.
12. Sattsayev E.B. Nartovsky epos and Iranian poem to Shakhnama (similar subject motives). Vladikavkaz, 2008.
13. Legends on sledge. Ossetian national epos. M, 1949.
14. Takazov F.M. archetypes of model of the world in mythology the Ossetian // Basic researches. 2012. no. 11–6. pp. 1521–1525.
15. Takazov F.M. Sun archetypes in the Ossetian mythology // Basic researches, 2013. no. 10–11. pp. 2548–2551.
16. Takazov F.M. a world tree in the Ossetian mythology // Modern problems of science and education. 2012. no. 6. pp. 533.
17. Chursin G. F. Ossetians. Ethnographic sketch // TZN, series I, вып.1. Tiflis, 1925. pp. 136–169.

Рецензенты:

Гуриев Т.А., д.фил.н., главный научный сотрудник отдела осетинского языкознания, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ;

Фидарова Р.Я., д.фил.н., главный научный сотрудник отдела фольклора и литературы, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 01.10.2014.